

ЛУЧШЕ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ И БОГАТЫМ...

Разговор с Никитой Михалковым у теннисного корта

Жизнь некоторых людей можно представить в виде сплошного турнира. Но вечная задача — победить — редко бывает удачной. Стать однажды чемпионом мира не более возможно, чем быть чемпионом собственной жизни. Пусть так. Но важнее побед — неотступность.

Профессия спортивного журналиста заставляет меня всюду искать спортсмена — во множестве людей и в отдельном человеке. Это ведь не обязательно служение атлетическому поприщу, это сначала свойство природы. Так, о некоторых людях мы говорим «артист», вовсе не подразумеывая служение искусству. Я постоянно провожу свой глобальный турнир «Гран при», не выдавая за победу ничего. Я выпускаю на поле Пеле против Марадона, в итоге звание спортсмена выигрывает Пеле, а Марадона его лишается — за стремление забывать голы даже руками. Бен Джонсон, дисквалифицированный олимпийский чемпион, более спортсмен, чем многие носители олимпийского «золота», проскочившие допинг-контроль, как контрабандист проскакивает таможенно: Джонсон решил вернуться и победить чисто. Другие ушли — нет, не то чтобы непобежденными, просто непойманными. Я не тороплюсь причислять к спортсменам футбольного тренера Лобановского: его команды были движимы прежде всего боязнь не проиграть, мучали футбол. Ушедшие непобежденными чемпионы Страны Советов Сталин и Брежнев были яркими неспортсменами, ибо устраняли возможных соперников, исключали риск открытого соперничества...

Уже несколько лет в моем турнире участвует Никита Михалков. Дело не в том, что знаменитый кинематографист играет в теннис и в футбол, возглавляет теннисную федерацию России. Эти формальные признаки можно и отбросить. Но в Михалкове — всеядная жажда гола. Я спросил у него:

— Ты хотел бы победить всех? Хемингуэй, например, говорил, что соревнуется со всеми великими писателями, даже с умершими.

— Если по большому счету, то я победил не многих. Быть лучше и быть лучше других — это разные вещи. Быть лучше — это гордость, а быть лучше других — это гордыня. Но соперничество есть во всем. Важно, какими способами ты достигаешь победы. Боксер не должен метить в рассеянную бровь соперника. Нужно давать сопернику возможность поднять шпалу. Нельзя видеть в победе абсолютную цель.

Этот разговор проходил на теннисных кортах «Чайка», где играют преимущественно чемпионы московской жизни, от министров до интердевочек. Попадаются и простые, но целеустремленные до сумасшествия любители тенниса, чем и обеспечивают себе место. Михалков здесь всесторонне уместен — по одержимости игрой, по жизненному классу и по регалиям вполне официальным.

В тот раз он играл на корте против своего приятеля

Миши. Я поставил на Михалкова: хотя теннисный рейтинг у него вроде ниже, зато неизмеримо выше запас абсолютного победительства. Миша играл очень серьезно и целеустремленно, при неудачах ограничивался короткой безадресной претензией: «Ах ты, тля!». Михалков был волевее, на свои промахи реагировал более пространно, оглядывая собственные руки, ракетку и вполголоса произносил: «Что же ты делаешь, товарищ? Какие-то удары? Таких и ударов-то нету».

Он умеет и на корте сыграть любую роль, опыт лицедейства у него огромный. На этот раз в паузах он изображал усталого 45-летнего мужчину, уже не помышляющего ни о каких победах. Но спортивная игра зла, она всегда всерьез, она вытягивает из человека его естество, показывает, из чего он сделан. Никаким актерским мастерством Михалков не мог скрыть в себе честолюбивого 45-летнего юношу, игравшего в эти минуты не против безвестного своего приятеля Миши — против всех, кого еще не победил.

Для победы ему оставалось выиграть всего один мяч на тайм-бреке. Долго-долго длился розыгрыш этого мяча, напряженная финальная нота тянулась и тянулась, и можно было подумать, что в этом парном жонглировании и состоит искусство и загадка теннисной игры. Но вот Миша наконец-то спортичал: мяч, посланный им, летит по очевидной траектории в аут над головой Никиты, и Михалкову остается только опустить ракетку, но он кричит: «Играем!». И принимает мяч, отбивается от дармового выигрыша, от победной точки ради продления чудесного момента игры. А в следующие секунды Михалков дважды мажет — и проигрывает. И сильно огорчается. Сильно огорчается, может быть, потому, что сам же не захотел вовремя выигрывать...

Я спросил, почему он так слабо исполняет вторую подачу. Это было каждый раз в игре: первую подачу делает мощно, во весь размах, но если она неудачна, то во второй попытке Михалков подает осторожненько, ни в коем случае не рискует — лишь бы попасть в площадку. Михалков, теннисист со стажем, умело впадает в теорию, объясняет: «Вторая подача — это проблема всех теннисистов, даже очень сильных. Если подача вообще не ладится, то во второй никто не рискует — срабатывает инстинкт самосохранения». Мне казалось, что этот инстинкт Михалкову несвойствен ни при первой попытке, ни при всех последующих.

О теннисе он говорит с удовольствием, вникает в тонкости. Видно, что этот мир любезен ему, как что-то до конца не сбывшееся. Слушая его, я жалел о двух вещах. Почему у нас так мало тенниса в стране? Почему Михалков не снимет фильм о теннисе? Он ответил:

— Тенниса нет потому же, почему у нас нет горных лыж. Это индивидуальные виды

спорта. А у нас принят коллективизм, мы приучены к кучности. И гольфа у нас никогда не будет, потому что гольф — это огромное зеленое поле и небольшая группа людей на нем. А почему я не снял фильм о теннисе? Я вообще не знаю серьезных интересных фильмов о спорте. Ну, может быть, первая серия «Рокки»... Есть вещи, которые интереснее делать самому, чем снимать об этом фильме. Ну, чтоб понятней: интересное сама женщина и отношения с нею, нежели смотреть об этом эротический фильм или даже снимать его.

На этом интригующем повороте темы наш разговор оборвался. Кто-то откуда-то дозвонился Михалкову на корты, он заспешил — на студию или в очередной Рим, в очередную Америку. Напоследок я задал ему вопрос на ходу, подсказанный ситуацией:

— Ты все время спешишь. Как ты умудряешься при таком образе жизни находить возможность для спорта?

— Я втискиваю его в свою жизнь, насильно. Я занимаюсь спортом не тогда, когда у меня есть свободное время, его у меня нет никогда. Но я готов отменить важное дело, важную встречу или проснуть

ся на два часа раньше... Спорт для меня — среда обитания и условие выживания. Не будет у меня спорта — не будет от меня настоящей работы.

Иногда мне кажется, что от многих людей мы не можем дожидаться настоящей работы потому, что в их жизни нет спорта. Спорт вообще мало в нашей жизни и становится еще меньше. Несмотря на все страхи по поводу конкурентности и борьбы, которая вот-вот захватит всех и каждого. Многие мы изжили, вытравили — интеллигентность, предприимчивость, крестьянскую даровитость, о чем теперь жалею. О спорте со временем тоже восплачем. Народный депутат, спортивный работник, рассказывал, как однажды участникам очередной парламентской сессии было предложено воскресным утром сходить в спорткомплекс — поплавать в бассейне, сыграть в волейбол. Собирались это сделать всего лишь двадцать человек, а пришли двое-трое. Удивительно, как много неспортсменов в коридорах власти. Это при том, что в прочем цивилизованном мире спорт великолепно служит государственным мужам, а президент Бразилии Колдор, перетряхнувший и взболтавший всю жизнь стра-

ны, — просто стопроцентный спортсмен: «молодой, красивый, мужественный, спортивный в отличие от бывшего — старого, маленького и трусливого», как пишут бразильские журналисты. У нас в высоких палатах спорта нет. Отсюда политика по отношению к спорту: закрываются без денежной поддержки спортивные школы, прогорают стадионы, платя государству непомерную мзду. Есть одно соревнование: в количестве дебатных слов. Это понятно: за семь десятилетий немого кино, когда вещать позволялось кому-то одному, накопилось столько невысказанного, что теперь оно свистит из всех щелей. Люди по-младенчески учатся связно говорить, как когда-нибудь с такой же детской радостью начнут заново учиться ходить.

И если спросить любого нашего политика, пусть и районного уровня, мнение о спорте, о физической культуре — будут произнесены грамотные благие слова. Интервью — бесполезный жанр в теперешней нашей журналистике. Словцами научились отвечать все, даже самые косноязычные.

Я собирался продолжить спортивное интервью с Никитой Михалковым. Он прилетел со съемок из Китая и собирался в очередной Париж. «Давай встретимся, только в темпе», — сказал он мне по телефону. Темп тот же: воскресенье, восемь утра, тренировка футболистов «Мосфильма» в спортзале Олимпийской деревни.

Футболу было тесно в четырех стенах, игроки то и дело сталкивались друг с другом. В этом бестолковом столпотворении мяч не подчинялся даже кинозвездам. Михалков, привыкший всюду солировать, выглядел здесь статистом, массовойкой. Он мог бы, конечно, расчистить себе пространство для самовыражения, отпугнуть соперников недобрым предостерегающим криком, как это делал один из футболистов противоборствующей команды, популярный актер, играющий лидеров в кино. Нет, Михалков находил свое место в суматошной бездумной игре, его били по ногам, он летел головой в стену, расшибал колени и локти, при этом не ограничиваясь в репликах светским лексиконом. Он проиграл, его команда проиграла. Он сидел на скамейке, истекал ручьями пота, вымотался, смотрел на часы, прикидывал, сколько остается ему до парижского самолета, сказал мне: «Давай, задавай свои вопросы. Полчаса у нас есть». В этот момент кто-то крикнул, что в спортзале изменилось расписание, что можно сыграть еще один тайм, есть еще полчаса до прихода следующих спортивных арендаторов. «Мосфильм» снова высыпал на футбольное ристалище. Начался новый тайм. Михалков поглядел на меня. Я решил, задавать ли мне свои вопросы. Какие-то вопросы? Таких и вопросов-то нету. Потому что есть ответы. Вот они: жизнь некоторых людей можно представить в виде сплошного турнира...

Фото В. КАРАТАЕВА.